

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Виноградова Екатерина Николаевна

**Русские предлоги и их эквиваленты:
поле и система**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Кустова Галина Ивановна

доктор филологических наук, доцент,
ФГБУН Институт русского языка
им. В.В. Виноградова, главный научный
сотрудник, Центр грамматических исследований,
руководитель

Милованова Мария Станиславовна

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского
языка им. А.С. Пушкина», филологический
факультет, кафедра общего и русского
языкознания, профессор

Шереметьева Елена Сергеевна

доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный
университет», Восточный Институт – Школа
региональных и международных исследований,
зав. кафедрой русского языка и литературы

Защита диссертации состоится «24» сентября 2025 г. в 17 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ 059.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

Е-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ДС МГУ: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3466>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Е.А. Кузьмина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предлоги как одна из служебных частей речи попали в фокус пристального внимания лингвистов сравнительно недавно, во второй половине XX века. Зона служебных единиц оказывается противопоставленной знаменательным частям речи не только по своим грамматическим свойствам, прежде всего неизменяемости и особой синтаксической роли, но и из-за своего недискретного характера. Границы классов предлогов, союзов и частиц являются размытыми и нечеткими, эти классы представляют собой некий континуум в силу активно идущей в языке грамматикализации – процесса, при котором лексические единицы и конструкции начинают в определенных контекстах выполнять грамматические функции и, будучи уже грамматикализованными, продолжают развивать новые грамматические функции (П. Хоппер, Э. Траугот). Кроме того, для союзов, предлогов и частиц характерна синкретичность как внутри служебных классов, так и со знаменательными частями речи.

Нечеткость границ класса предлогов, их постоянное развитие и синкретичность обусловили потребность во введении новых понятий для корректного описания данного фрагмента языковой системы: «предложные единицы», которые объединяют как собственно предлоги, так и средства, способные в определенных условиях выступать в функции предлога; «функционально-грамматическое поле предлога», формируемое всеми предложными единицами (М.В. Всеволодова, Е.В. Клобуков, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов).

Актуальность исследования определяется необходимостью системного, полного и по возможности объективного описания состава и структуры функционально-грамматического поля русских предлогов; а также потребностью в выявлении регулярных соотношений предложных единиц в рамках данного поля: классификаций, парадигматических, синтагматических, семантических связей, особенностей функционирования, что составляет базу функционально-коммуникативной грамматики русского предлога.

Предлоги как часть речи, безусловно, давно выделяются грамматиками и словарями русского языка. В грамматических описаниях предлогам обычно отводится незначительное количество печатного пространства, на котором чаще всего предлагаются открытые списки, заканчивающиеся «и т.д.», «и др.», что не позволяет четко оценить количество предлогов в русском языке, но некоторые «счастливые исключения» дают возможность представить реперные точки в развитии предложной системы русского языка: так, Г. Лудольф (1696) перечисляет 23 русских предлога, в «Русской грамматике» А.Х. Востокова (1830) названо 58 предлогов, в «Русской грамматике» (1980) (РГ-80) – 210 предлогов.

Одним из первых на рост предложных образований обратил внимание академик В.В. Виноградов, писавший об изменении морфологического облика предлога как грамматической категории и образовании большого количества новых предлогов, что в свою очередь обусловлено развитием функциональных стилей русского языка. В середине XX-го века появляются труды В.В. Виноградова, Е.Т. Черкасовой, Г.А. Золотовой, А.Т. Финкеля, Ю.И. Леденева, М.А. Леоненко, посвященные процессам развития новых производных предлогов.

Бурный рост предложных образований, продолжившийся в конце XX – начале XXI века, потребовал их фиксации: в это время публикуются первые лексикографические издания, посвященные служебным частям речи – словари В.В. Морковкина, Р.П. Рогожниковой, Г.П. Цыганенко, Т.Ф. Ефремовой, В.В. Бурцевой, М.Г. Лепнева, сводные таблицы С.И. Богданова, Ю.В. Рыжовой, монографии Г.А. Шигановой, Е.С. Шереметьевой, З.Д. Поповой, книги «Русские предлоги и средства предложного типа» под ред. М.В. Всеволодовой, «Служебные слова в лексикографическом аспекте» и «Лексикографические портреты служебных слов». Однако единого полного перечня русских предлогов не существует: анализ реестров предлогов в этих изданиях демонстрирует значительные количественные и качественные расхождения между списками предлогов. Подобные расхождения

свидетельствуют, с одной стороны, об отсутствии четких критериев отнесения единицы к предлогу, а с другой – о расплывчатости границ этой части речи и самого понятия «предлог». Вполне закономерно возникают термины, позволяющие «уйти» от жестких границ при определении частеречного статуса новообразований предложного типа: «эквивалент предлога» (Р.П. Рогожникова), «отыменные релятивы» (Е.С. Шереметьева), «фразеологические предлоги» (Г.А. Шиганова), «предложные единицы» (М.В. Всеволодова) и др.

С конца XX-го века предложные средства попадают в фокус внимания лингвистов и активно изучаются учеными Дальневосточной синтаксической школы (Е.С. Шереметьевой, А.Ф. Прияткиной, А.В. Солоницким, Г.В. Дмитрук, О.Н. Кравченко, В.В. Гавриленко, З.В. Шереметьевой, М.В. Артеменко, О.Д. Ли и др.), Челябинской фразеологической школы (Г.А. Шигановой, Л.Г. Шибакowej, Т.А. Пантелеевой, Л.А. Миловановой, А.И. Авдиной, Л.М. Гареевой и др.), Санкт-Петербургской лексикографической школы (Р.П. Рогожниковой, С.И. Богдановым, Ю.В. Рыжовой, М.Г. Лепневым).

Системные характеристики русских предлогов описаны в трудах З.Д. Поповой, М. Ядрова, Н.П. Кравченко, О.П. Ермаковой, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, А.С. Цоя, В.П. Захарова, М. Калюги и др. Отдельным предлогам и их группам посвящены исследования Л.Л. Иомдина, В.А. Плунгяна, Д. Пайара, Е.В. Рахилиной, О.А. Лаптевой, Г.Е. Крейдлина, О.Н. Селиверстовой, В.Ю. Апресян, С. Бирцер, Ю.Т. Долина, Н.А. Аксаринной и Л.В. Басовой, З.И. Комаровой и А.А. Ширшиковой, И.В. Сарайкина, Н.Г. Наумовой и др.

В рамках проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», который в начале XXI-го века объединил лингвистов нескольких стран, были опубликованы научные работы в России (М.В. Всеволодовой, Е.В. Клобукова, О.В. Кукушкиной, А.А. Поликарпова, Ф.И. Панкова, И.В. Галактионовой, И.Б. Качинской, О.Г. Гецовой,

В.Л. Чекалиной, Т.Е. Чаплыгиной, И.М. Логиновой, М.А. Косорезовой, Е.О. Патаракиной и др.), в Белоруссии (М.И. Конюшкевич, С.А. Важника, А.Ч. Рыжкович, А.В. Сентябовой, О.Г. Николаенко и др.), на Украине (А.А. Загнитко, А.В. Ситарь, И.Г. Данилюка и др.), в Польше (Ч. Ляхура), в Болгарии (Г. Гочева).

Что касается грамматических аспектов описания системы русских предлогов и их эквивалентов, то в существующих грамматиках характеристика предлога не отличается пространностью, обычно (за исключением, пожалуй, «Материалов к корпусной грамматике») предлогам отводится лишь несколько страниц, например, в «Русской грамматике» 1980 теория предлога представлена на 7 страницах. Основное внимание в грамматиках чаще всего сосредоточено на классификации предлогов: традиционно противопоставляются первообразные и непервообразные предлоги, среди которых выделяются отыменные, отглагольные и наречные предлоги. Однако, как ни парадоксально, подобное распределение предлогов является достаточно противоречивым, так как в наречные предлоги входит значительное число сочетаний, произошедших из именных конструкций: например, близкие по значению, функционированию и развитию *типа* и *вроде* оказываются в разных классах – отыменных и наречных предлогов соответственно – при этом слово *вроде*, судя по всему, никогда не было наречием. Парадигматическим, синтагматическим и семантическим связям русских предложных единиц в грамматических трудах обычно не уделяется внимания. Таким образом, грамматика русского предлога на данный момент описана мало.

Методологическая основа работы. Исследование основывается на теоретической базе, разработанной в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (М.В. Всеволодова, Е.В. Клобуков, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, М.И. Конюшкевич, А.А. Загнитко).

Предлог определяется следующим образом: «Предлог как часть речи – это класс служебных лексических единиц, служащих (в синтетических языках, в том числе, в русском – вместе с падежным окончанием склоняемого слова) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного (числительного, количественно-именной группы – квантитатива, прилагательного, местоимения) в высказывании и (в некоторых случаях облигаторным) средством введения их (припредложных единиц) в предложение».

«Каждый предлог обладает своим лексическим значением (иногда ослабленным), вносящим свой вклад в значение синтаксемы припредложного слова, определяет его падежную форму («управляет» ею, в том числе и N_i). Предлог не есть часть морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова – синтаксему».

У предлогов можно выделить семантическую, формально-синтаксическую и морфосинтаксическую функции. «Семантическая функция предлога состоит в конкретизации роли вводимого им имени в денотативной структуре высказывания», «формально-синтаксическая функция предлога – это введение имени существительного в синтаксическую структуру на правах словоформы, зависимой в логико-структурном отношении, т.е. такой, к которой может быть поставлен вопрос от другой словоформы»; «морфосинтаксическая функция предлога состоит в том, что он, не будучи частью морфологической формы слова, формирует (если он есть) словоформу — синтаксическую форму слова, синтаксему, образуя с ней — в рамках синтаксических построений (в том числе и в свободном употреблении, т.е. вне предложения; например: заголовок, этикетка) — единое целое».

Таким образом, форма знаменательного слова может «претендовать» на выполнение функций предлога, если она обладает функциями предлога:

- 1) вводит имя участника ситуации и конкретизирует его роль в ней;
- 2) обуславливает зависимый характер вводимого имени или его субститута

(можно поставить к нему падежный вопрос); 3) формирует самоё синтаксему, выступая в функции служебной части речи.

Для обозначения всех единиц, способных выступать в качестве предлога – как собственно предлогов, так и их эквивалентов, которые в определенных условиях выполняют функцию предлога, но не «отошли» полностью от своей части речи, было введено понятие предложной единицы (ПЕ). Использование термина ПЕ позволяет отказаться от необходимости четкого определения частеречного статуса сочетания, функционирующего как предлог.

Задачи проекта сводились к следующему: (1) составить по возможности полный реестр русских предлогов и изофункциональных им образований; (2) подготовить базу для функционально-коммуникативной грамматики предлогов. В результате работы проекта были опубликованы словари украинских (1705 ПЕ), белорусских (9992 ПЕ), польских предлогов и их эквивалентов. Для русского языка вышло пространное введение к словарю предлогов, а также первый том словаря, охватывающий предложные единицы в диапазоне А–В (1679 ПЕ).

Важнейшим понятием для решения первой задачи стало функционально-грамматическое поле (ФГП) предлога, объединяющее все единицы, выступающие в функции предлога: ядро образуют первообразные предлоги, приядерную зону – вторичные предлоги, а периферию – различные типы эквивалентов предлога. Поле как инструмент описания ПЕ дает возможность шкалирования единиц от ядерных с ярко выраженными признаками предлогов к периферийным, обладающих лишь отдельными их свойствами. Само «превращение» в предлоги можно в этом аспекте рассматривать как движение сочетаний из периферийных зон ФГП предлога к ядерным. В то же время постоянно происходящие процессы опредложивания затрудняют частеречную категоризацию предложных образований.

Теоретическую базу для описания процессов перехода сочетаний в предлоги как служебную часть речи и определения степени переходности подобных единиц предоставляют достижения Теории грамматикализации,

разрабатываемой в трудах К. Лемана, Э. Траугот, Б. Хайне, Т. Кутевой, П. Хоппера, Л. Бринтон, Г. Дивальд, М. Норд, Дж. Байби, Э. Даля, М. Хаспельмата, В.А. Плунгяна, Т.А. Майсака и многих других. Так, для решения сложной задачи поиска набора необходимых и достаточных операциональных критериев определения «эволюционного» статуса ПЕ релевантно учитывать позицию единицы на различных шкалах грамматикализации, а также механизмы грамматикализации и ее параметры. Кроме того, важным для работы является и подход Грамматики конструкций, предлагающий понятие «конструкции» для описания однословных морфолого-синтаксических образований, характеризующихся единством семантики и функционирования.

Создание функционально-коммуникативной грамматики предлога связано с детальным изучением парадигматического и синтагматического потенциала ПЕ. В настоящее время грамматики и словари обычно упоминают лишь о морфонологических вариантах предлогов (*в – во, к – ко, о – об – обо*) и указывают на различные варианты управления предлогов (*между – с род. и тв.п.*), но не характеризуют системно парадигматические ряды типа *вслед – вслед за, в отношении – в отношении к, начиная – начиная с, согласно – согласно с*, а также отличающиеся семантически ряды, например: *в пределах – вне пределов – за пределами – за пределы – в пределы – из пределов*. Синтагматическим особенностям функционирования предлога, в частности способности сочетаться не только с существительными, прилагательными, местоимениями и числительными, но с инфинитивом, наречием, цитатой (*Считаю, что вот это из серии «все гениальное просто»* (НКРЯ)) также обычно не уделяется внимания в лингвистических трудах. В отдельных словарях фрагментарно присутствует важная информация о возможности употребления конкретизаторов предлогов, ср. *почти наравне с*, но **почти наряду с* в «Новом объяснительном словаре» (2003); *приблизительно около*, но **приблизительно рядом с*; частотное *совсем рядом с* и редкое *совсем около*. Кроме того, при создании грамматики предлога необходимо фиксировать

сочетаемость предлога с различными типами анафорических местоимений, ср. *в течение него*, но **в течение этого*; *в знак этого*, но **в знак него* и под.

Объектом исследования является функционально-грамматическое поле русского предлога. **Предметом** работы – состав и устроенность ФГП предлога, а также синтагматические, парадигматические и семантические особенности русских предлогов и их эквивалентов.

Цель исследования заключается в полном описании ФГП предлога (составление реестра русских предложных единиц и их стратификация в рамках поля) и в разработке функционально-коммуникативной грамматики русского предлога. Цель работы определила ее **задачи**:

- систематизировать современные научные знания о предлогах и их эквивалентах;
- создать исходный реестр предлогов путем объединения реестров предлогов в различных грамматических и лексикографических трудах;
- выбрать релевантное понимание грамматикализации и ее параметры, актуальные для характеристики эволюции предлогов;
- предложить непротиворечивую разноаспектную классификацию предлогов;
- изучить операциональные критерии, названные в исследованиях в рамках Теории грамматикализации и в работах, посвященных предлогам, отобрать наиболее эффективные из них и дополнить их;
- применить операциональные критерии для определения степени грамматикализации (опредложивания) конструкций;
- охарактеризовать и систематизировать парадигмы ПЕ;
- описать сочетаемость ПЕ с анафорическими местоимениями и конкретизаторами;
- предложить алгоритм, позволяющий определять ядерные ПЕ и выявлять потенциальные ПЕ;
- системно охарактеризовать основные модели, по которым строятся русские предлоги;

- для каждой модели дополнить набор ПЕ, отмечаемых в лингвистических трудах, и охарактеризовать ПЕ в плане ядерности / периферийности в ФГП предлога;

- определить семантические группы ПЕ в рамках каждой модели;

- выявить типичные для ПЕ разных семантических групп парадигматические ряды;

- объединить перечни ПЕ в единый реестр, стратифицированный по отношению к ядру и периферии ФГП предлога.

В качестве основных **источников** для составления реестра были использованы труды В.В. Виноградова, Ю.И. Леденева, Е.Т. Черкасовой, С.И. Богданова и Ю.В. Рыжовой, В.В. Морковкина и его коллег, Т.Ф. Ефремовой, Р.П. Рогожниковой, Г.А. Шигановой, М.Г. Лепнева, В.В. Бурцевой, а также «Русская грамматика» 1980 и «Обороты в функции предлогов» Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для расширения реестра наряду с корпусными данными привлекался неопубликованный перечень ПЕ, составленный М.В. Всеволодовой. Исследование проводилось на **материале** основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), общим объемом 374 449 975 слов (на сентябрь 2024 г.), привлекались также данные, полученные в программе Google Books Ngram Viewer.

Основными для работы являются понятия «предлог» и «его семантическая, формально-синтаксическая и морфосинтаксическая функции»; «эквивалент предлога», «предложная конструкция», «средство предложного типа» как сложные морфолого-синтаксические единицы, выполняющие функции предлога; «предложная единица» (ПЕ), объединяющее как собственно предлоги, так и их эквиваленты; «модель», используемое для характеристики структурной устроенности предложных конструкций; «функционально-грамматическое поле предлога» (ФГП предлога), для краткости применяемое для обозначения «функционально-грамматического поля предложных единиц».

В работе использовались различные **методы** лингвистического анализа. Методом сплошной выборки из лексикографических и грамматических трудов был получен исходный реестр предложных единиц. С помощью описательного метода исследования выявлялись парадигматические и семантические особенности ПЕ. Метод анализа сочетаемости позволил определить специфику синтагматического поведения ПЕ. Применение метода эксперимента дало возможность на основе ряда операциональных критериев оценить степени грамматикализации ПЕ. Методом лингвистического моделирования были определены структурные модели ПЕ, по которым были распределены все ПЕ исходного реестра. Далее с помощью статистического метода ПЕ были ранжированы по убыванию частотности в рамках каждой структурной группы. Кроме того, этот метод применялся при анализе биграмм и 3-грамм, построенных по изучаемым структурным моделям. Результаты анализа биграмм и 3-грамм наряду с прогнозированием на основе выявленных парадигматических и синтагматических особенностей позволили расширить круг эквивалентов русских предлогов. Наконец, посредством анализа сочетаемости выявлялось значение ПЕ, путем обобщения и интерпретации определялись семантические группы ПЕ. Представляется, что комбинирование перечисленных методов лингвистического анализа позволяет объективировать описание ФГП предлога и системно охарактеризовать грамматику русских ПЕ.

Новизна исследования заключается в полномасштабном описании ФГП предлога с применением количественных данных: в выявлении реестра русских предлогов и их эквивалентов; в анализе синтагматических, парадигматических и семантических особенностей ПЕ; в определении степени грамматикализации ПЕ с помощью количественных методов.

Теоретическая значимость работы состоит в следующем:

- в системном описании функционально-грамматического поля предлога;

- в аргументации невозможности проведения жесткой границы между предложениями и не-предложениями;
- в уточнении классификации ПЕ;
- в выявлении структурных и семантических групп русских ПЕ;
- в описании парадигм, характерных для разных семантических и структурных групп ПЕ;
- в характеристике особенностей сочетаемости ПЕ с местоимениями на материале корпусных данных;
- в составлении наиболее полного реестра русских ПЕ;
- в ранжировании ПЕ относительно центра и периферии ФГП предложения.

Практическая ценность работы. Результаты исследования могут быть востребованы в преподавании курсов по функционально-коммуникативной грамматике, синтаксису и морфологии русского языка, по Теории грамматикализации и Грамматике конструкций, а также в практике преподавания РКИ. Реестр ПЕ и данные об их семантике и функционировании могут использоваться при создании словарей различных типов, в т.ч. двуязычных, и конструктора русского языка.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Понятие функционально-грамматического поля предложения позволяет объединить описание предлогов и эквивалентов предлогов, которые выполняют функцию предложения только в определенных условиях. Функционально-грамматическое поле предложения имеет типичную полевую структуру с ядром и периферией с постепенными, нечеткими переходами. Периферию составляют синкретичные единицы, для которых функция предложения, как показывает применение операциональных критериев, характерна в большей или меньшей степени. Это делает нерелевантным проведение жесткой границы между предложениями и не-предложениями. В то же время актуальной задачей является как можно более полная фиксация всех единиц с предложной функцией.

2. Функционально-грамматическое поле предлога постоянно расширяет свой состав за счет приобретения единицами самостоятельных частей речи регулярной предложной функции (а не путем заимствования или появления новых слов). Эта функция является грамматической, поэтому можно говорить о грамматикализации (в широком понимании этого термина) форм знаменательных частей речи. Причиной такого расширения поля предлога является потребность во все большей дифференциации отношений между объектами действительности, маркировании все новых денотативных ролей, необходимости описания все новых типов ситуаций.

3. Рациональным представляется уточнение существующей классификации предложных единиц и пересмотр класса наречных предлогов как выделяемых не на деривационном, а на функциональном принципе. Целесообразной является многоаспектная классификация предложных единиц, включающая 9 параметров: словообразовательный, структурный, синтаксический, функциональный, парадигматический, орфографический, семантический, функционально-семантический и функционально-категориальный.

4. Для предложных единиц характерна полифункциональность, обусловленная частеречным синкретизмом. Основным видом такого синкретизма – совмещение предложной и наречной функций. Предложные единицы также способны выполнять функции частиц, вводных слов, предикативов.

5. Предложные единицы характеризуются высокой степенью вариативности разного рода. Она может быть представлена, как показал проведенный анализ, с помощью выделения 7 основных типов парадигм (графическая, морфонологическая, словообразовательная, морфосинтаксическая, лексическая и семантическая парадигмы). При их описании важно установить наиболее частотный и предпочтительный для литературного языка член парадигмы.

6. Большое значение имеет описание синтагматических особенностей употребления предложных единиц. Они связаны с выбором местоимения-

имени актанта и его формы, с возможностью / невозможностью выражения актанта прилагательным и 0-формой, а также с употреблением конкретизаторов предложных единиц.

7. Одним из эффективных инструментов определения степени грамматикализации предложных единиц является частотность: более частотные предложные единицы – наиболее грамматикализованные и находятся ближе к ядру функционально-грамматического поля предлога, а редкие, окказиональные – занимают периферию поля.

8. Проведенный анализ позволяет выделить 39 групп предложных единиц, различающихся моделями образования: производные, отглагольные, отадъективные, отнаречные, отыменные (с предлогами *без*, *в* + пр.п., *в* + в.п., *вне*, *для*, *до*, *за* + тв.п., *за* + в.п., *из*, *из-за*, *из-под*, *к*, *на* + в.п., *на* + пр.п., *над*, *о*, *от*, *перед*, *по* + в.п., *по* + д.п., *по* + пр.п., *под* + тв.п., *под* + в.п., *при*, *с* + р.п., *с* + тв.п., *с* + в.п., *сквозь*, *у*, *через*, беспредложные формы: тв.п., р.п., в.п., с частицей *не*), компаративы. Отдельные группы составляют заимствованные (не характеризуются по признаку производность / непроизводность) и параметрические предложные единицы как представляющие крайнюю периферию функционально-грамматического поля предлога и обладающие функциональной (вводят квантитативы) и семантической общностью (обозначают параметры).

9. Предложные единицы распределяются по семантическим группам, прежде всего связанным с выражением логических отношений (причинные, пространственные и под.). Системность семантических групп в рамках предложных единиц, построенных по конкретным моделям, позволяет говорить о сильном влиянии аналогии на образование предложных единиц.

10. Собранный реестр из приблизительно 2 400 предложных единиц составляет наиболее полный на сегодняшний день список русских предлогов и их эквивалентов. Ранжирование его по убыванию частотности позволяет дать представление об устроенности функционально-грамматического поля

русского предлога от ядерных частотных предложных единиц к редким периферийным.

Достоверность полученных результатов обеспечивается большим объемом исследуемого материала, широкой теоретической базой, надежностью примененных методов. **Личный вклад** автора состоит в сборе, обработке и анализе материала, в получении представленных в диссертации результатов исследования и их апробации.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликована 51 научная работа общим объемом 44,65 п.л., в том числе 25 публикаций (объемом 16,5 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты исследования были представлены в докладах на 45 международных и всероссийских научных конгрессах, конференциях, симпозиумах и чтениях, среди которых: I, II, III, IV, V и VI Международные конгрессы «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2001, 2004, 2007, 2010, 2014 и 2019 гг.); X, XI, XII, XIII, XIV и XV Конгрессы МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 2003; Варна, 2007; Шанхай, 2011; Гранада, 2015; Нурсултан, 2019; Санкт-Петербург 2023); I, II, III Международные научные симпозиумы «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2009, 2012, 2016); I, III, IV, VI, VII и VIII Международные симпозиумы по русской грамматике (Москва, 2016; Санкт-Петербург, 2018; Ярославль, 2019; Владивосток, 2022; Тюмень, 2023; Нижний Новгород, 2024) (подробные сведения см. на странице автора в системе наукометрических данных ИСТИНА).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, библиографии и трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обозначаются предмет и объект изучения, обосновывается актуальность исследования, излагаются его цели, задачи, раскрывается методология, теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту; определяется научная новизна проведенного исследования и степень достоверности его результатов, а также приводятся данные об апробации и структуре работы.

Первая глава диссертации «Описание предложных единиц в российской лингвистике» содержит анализ научных трудов, посвященных предлогам и их эквивалентам. В § 1 «Ранние грамматические описания» рассматривается представление предлогов в первых грамматиках русского языка (Г. Лудольфа, М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова), указывается на рост числа предлогов (с 24 до 58), отмечаемых в этих работах. Кроме того, здесь продемонстрирована эволюция типологии предлогов от одного класса в «Grammatica Russica» Г. Лудольфа до 5 классов в «Русской грамматике» А.Х. Востокова, где впервые были выделены предлоги, производные от прилагательных, деепричастий и существительных. В § 2 «Предтечи современного подхода к предлогам» показана роль В.В. Виноградова в формировании нового, более широкого взгляда на предлог, а также в фиксации «бурного роста» предлогов (120 предлогов, «открытый список») и изменения «морфологического облика» данной части речи, что нашло отражение в трудах ученых второй половины XX-го века Е.Т. Черкасовой, А.М. Финкеля, Ю.И. Леденева, Г.А. Золотовой и в академических грамматиках русского языка 1960, 1970, 1980 гг. (рисунок 1). В этих работах прослеживается также дальнейшая эволюция классификации предлогов.

В § 3 «Современные подходы и проекты» характеризуются различные подходы к изучению предлогов и их эквивалентов, представленные в русистике: (1) Дальневосточная синтаксическая школа (М.А. Леоненко, А.Ф. Прияткина, Е.С. Шереметьева и др.); (2) Челябинская фразеологическая

школа (А.М. Чепасова, Г.А. Шиганова и др.); (3) Санкт-Петербургская лексикографическая школа (Р.П. Рогожникова, С.И. Богданов, М.Г. Лепнев и др.); (4) Корпусная грамматика (Д.В. Сичинава); (5) различные исследования: российско-французские (Д. Пайар, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина и др.); З.Д. Поповой (Воронеж), Н.А. Аксариной и Л.В. Басовой (Тюмень), В.П. Захарова (Санкт-Петербург), З.И. Комаровой и А.А. Ширшиковой (Екатеринбург), А.С. Цоя и др.; (6) проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис».

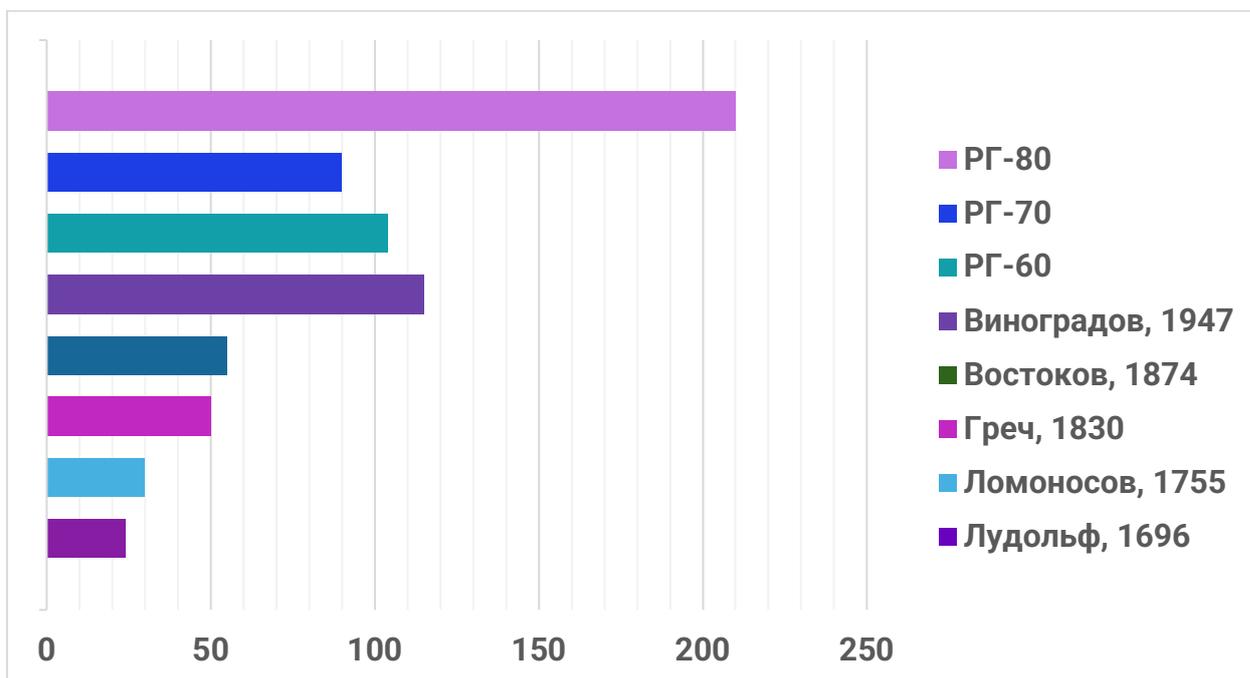

Рисунок 1 – Сопоставление реестров предлогов в грамматических описаниях русского языка в XVIII–XX вв.

В § 4 «Обзор лексикографических описаний предлога и исходный реестр ПЕ» изучаются лексикографические труды, как общие, так и специальные (см. выше), анализируются реестры средств предложного типа, выделяемые в них (рисунок 2), демонстрируются значительные количественные и качественные несовпадения реестров в различных лексикографических работах, что свидетельствует о «размытости» границ предлогов как части речи. Сплошная выборка предлогов и их эквивалентов (единиц с пометами «в значении предлога», «в функции предлога», «аналог предлога») из указанных

источников позволила создать исходный реестр из 933 предложных единиц (Приложение А).

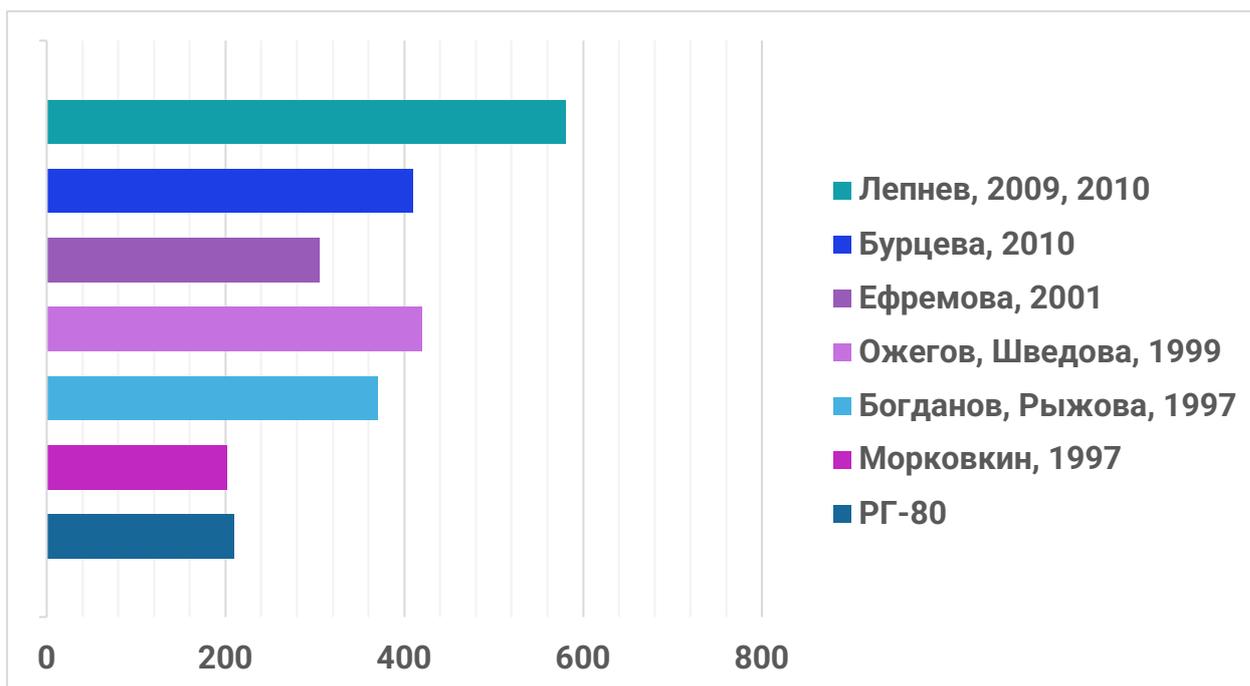

Рисунок 2 – Сопоставление реестров предлогов в лексикографических работах конца XX-ого – начала XXI-го века и РГ-80

В § 5 «Анализ проблем, требующих обсуждения» были выявлены основные проблемы лингвистических описаний предлогов: 1) отсутствие единого термина для описания средств предложного типа; 2) противоречивость современной классификации предлогов; 3) смешение предлогов и наречий; 4) отсутствие системного подхода к описанию предлогов; 5) отсутствие однозначных критериев включения единиц в разряд предлогов; 6) отсутствие инструментария стратификации поля предложных единиц; 7) отсутствие единого полного реестра предложных единиц; а также намечены пути их решения.

Вторая глава «Грамматикализация и другие «-изации»» посвящена теоретическим основам описания перехода сочетаний (синтаксических форм слова) в предложные единицы. В § 1 «Теория грамматикализации» и § 2 «Грамматика конструкций» характеризуется актуальный для анализа ПЕ понятийный аппарат, изложенный в трудах В.М. Жирмунского, Б.А. Серебренникова, О.С. Ахмановой, Э. Траугот, Кр. Лемана, Л. Бринтон,

Б. Хайне, Т. Кутевой, П. Хоппера, В.А. Плунгяна, Т.А. Майсака, Л.Г. Яцкевич; Ч. Филлмора, А. Голдберг, П. Кея, Е.В. Рахилиной, Л. Янды и др. ПЕ при этом рассматриваются как один из типов конструкций. Подход с позиций Грамматики конструкций позволяет, с одной стороны, рассматривать эволюцию предложных единиц на фоне других конструкций, с другой – анализировать все средства предложного типа независимо от стадии формирования предложных конструкций и, наконец, учитывать взаимопроникновение элементов разных уровней при образовании ПЕ.

В § 3 «Конструкции, включающие ПО» на основе сплошной выборки из работ В.В. Морковкина, Р.П. Рогожниковой, С.И. Богданова и Ю.В. Рыжовой, Т.Ф. Ефремовой, В.В. Бурцевой, М.Г. Лепнева был получен массив конструкций, включающих предлог «по». На основании словарных помет были выделены конструкции с «по», выполняющие функции: наречия, предикатива, предлога, союза, вводного слова, частицы, дискурсивной формулы. На материале выделенных групп конструкций в § 4 «Лексикализация», § 5 «Грамматикализация», § 6 «Прагматикализация» демонстрируется соотношение процессов грамматикализации, лексикализации и прагматикализации, при этом основное внимание уделено параметрам, их характеризующим. В ходе описания показано, что производные предлоги при узком понимании грамматикализации (в духе Кр. Лемана) являются результатом лексикализации; при более широком подходе (Э. Траугот и ее последователи) эволюция сочетаний в производные предлоги рассматривается в русле грамматикализации. Некоторые ПЕ могут продолжать развиваться, теряя свое значение, грамматические функции и связи, превращаясь в единицы, обладающие лишь прагматическими функциями. Подобная прагматикализация может изучаться как отдельный процесс или как разновидность грамматикализации. В работе используется широкое понимание грамматикализации, при котором процесс появления предложных единиц рассматривается в ее русле.

Лексикализация и грамматикализация характеризуются рядом общих параметров: градуальность (постепенное развитие конструкции), однонаправленность, обеспечиваемая синтаксическим слиянием коллокатов и фонетическим сращиванием, потеря композициональности и метафоризация. Однако для грамматикализованных единиц свойственны также специфические признаки: нейтрализация морфологических характеристик единицы, выцветание значения, субъективизация, рост числа употреблений конструкции, бóльшая частотность конструкции, чем ее источника, типологическая повторяемость. Проявление этих параметров может служить «лакмусовой бумажкой» для определения степени грамматикализации ПЕ.

В § 7 «Полифункциональные единицы» на примере конструкций *по пути, по силе, по существу, по идее, по определению* демонстрируется синкретичность единиц, способных выступать в функциях разных частей речи. Подобная полифункциональность должна учитываться в лингвистических описаниях. Различные функции конструкции могут быть как отражением разных стадий эволюции единицы, так и результатом «веерного» развития, когда параллельно идут, например, процессы грамматикализации и лексикализации, ср. различное значение наречных и предложных единиц типа *по случаю* и *по случаю чего?, на стороне* и *на стороне чего?*.

В **третьей главе** «Тестирование «кандидатов» в предлоги» ставится задача выявления и применения операциональных критериев, которые позволяют определить степень определенности (грамматикализации) ПЕ.

§ 1 «Определение степени грамматикализации ПЕ» посвящен обсуждению различных «тестов» для «кандидатов» в предлоги. Прежде всего, рассматриваются основные механизмы грамматикализации по Б. Хайне и Т. Кутевой (ср. также с критериями Т.С. Тихомировой): десемантизация (desemantization, semantic bleaching), расширение контекстов (extension, context generalization), декатегоризация (deategorization) и фонетическое упрощение (phonetic erosion). Далее приводятся более частные критерии

определения степени грамматикализации ПЕ: употребление после предлога особых форм личных местоимений 3-го лица с начальным *н-*; интерпозиция предлога в конструкциях с местоименными словами; невозможность вставки частицы между предлогом и падежной формой (Н.А. Еськова); перечисляются дифференциальные признаки функциональных и лексических предлогов (С. Ядроф и С. Франкс); приводятся индикаторы синтаксической связанности / свободы составных ПЕ английского языка (З. Квирк и др.); а также операциональные критерии, предложенные М.В. Всеволодовой (обособление от других слов с аналогичным категориальным значением; обособление от своей парадигмы; метафоризация, проявляющаяся в сочетании со словами, при других формах предлогообразующего существительного с ним не сочетающихся; невозможность для предложного существительного занять позицию в исходной прототипической модели предложения; тяготение определенных единиц к морфосинтаксической парадигме; невозможность изъять из состава ПЕ базовый компонент; возможность вставки падежного вопроса). Кроме того, рассматриваются критерии, названные в Корпусной грамматике русского языка (появление, в том числе маргинальное / ненормативное припредложных форм местоимения на *н-*; иное управление, чем в функции полнозначного слова; идиоматизация; неотделимость компонентов – невозможность подстановки модификатора); а также идея применения профилирования к анализу коллокаций, в частности предложного типа (М.В. Копотев, Т.И. Стексова): морфологический и конструкционный профили, непроницаемость.

В следующих параграфах эти и другие «тесты» были применены к различным группам ПЕ: § 2 «Семейство ПЕ с соматизмами»; § 3 «Семейство ПЕ, образованных формами тв.п.», § 4 «Семейство ПЕ с лексемой *путь*», § 5 «Семейство ПЕ с лексемой *часть*». В результате в каждом из семейств были выделены более и менее грамматикализованные ПЕ. Оказалось, что провести четкую границу между предлогами как частью речи и не-предлогами невозможно: даже количественные методы корпусной лингвистики дают

представление лишь о тенденциях, о большем или меньшем тяготении ПЕ к ядру ФГП предлога, о высокой или низкой степени грамматикализации. Безусловно, это связано с тем, что язык и вместе с ним конкретные ПЕ находятся в постоянном развитии, при этом каждая конструкция грамматикализуется индивидуально. Этот эволюционный континуум и препятствует проведению жестких границ внутри себя, соответственно, операциональные критерии не могут работать на 100% в каждом конкретном случае. Несмотря на значительное количество различных «тестов», выделяемых в литературе, невозможно говорить об «универсальном наборе» лингвиста, занимающегося определением степени грамматикализации ПЕ.

В четвертой главе «Типология русских предложных единиц (сквозь призму наречных предлогов)» представлена разноаспектная классификация русских предлогов. Материалом для описания послужила самая противоречивая группа предлогов – наречные предлоги, соответственно, исследование в данной главе строится на фокусной группе из 67 наречных предлогов из «Русской грамматики» 1980. Результаты анализа и полученные категоризации экстраполируются на все ФГП предлога.

В § 1 «История классификации предлогов в русском языке» прослежена история описания наречных предлогов как первой группы, выделенной наряду с собственно предлогами. Наречные предлоги изначально определялись как полифункциональные единицы: «предлоги, свойство имущая наречия» (М. Смотрицкий); единицы, которые «суть купно наречия и предлоги» (М.В. Ломоносов); «наречия, имеющие силу предлогов» (Н.И. Греч). А.Х. Востоков наряду с этим классом полифункциональных единиц предлагает классификацию предлогов по происхождению: а) деепричастия (*исключая, несмотря на*), б) существительные в разных падежах (*съ помощью, посредствомъ, по мѣрѣ*); в) произведенные от прилагательных среднего рода наречия (*относительно, касательно, сообразно*). В дальнейшем наречные предлоги, выделенные изначально на основании особенностей функционирования, были добавлены в словообразовательную

(мотивационную) классификацию, что вызвало ряд ее противоречий, подробно представленных в § 3 данной главы.

В § 2 «Классификация предлогов в западной русистике» показано, что для зарубежных лингвистов русские наречные предлоги также являются «загадочной и неуловимой» группой: они могут (1) занимать место среди производных предлогов (Т. Уэйд), (2) рассматриваться как отдельная группа наравне с первообразными и производными (Д. Гиллеспи), (3) не выделяться в отдельный класс (А. Тимберлейк).

Спорные вопросы классификации наречных предлогов обсуждаются в § 3, где показано отсутствие убедительных доказательств того, что наречные предлоги были образованы от наречий, что ставит под сомнение состоятельность словообразовательного принципа классификации предлогов для выделения наречных предлогов. Это приводит к тому, что в основании академической классификации оказываются два различных принципа – словообразовательный и функциональный: отыменные и отглагольные предлоги выделяются в соответствии с мотивирующими их частями речи, а наречные – на основании особенностей их функционирования.

В § 4 «Разноаспектная классификация предлогов» представлена «альтернативная» классификация предлогов, которая строится на различных противопоставлениях: (1) словообразовательных, (2) структурных, (3) синтаксических, (4) парадигматических, (5) функциональных, при этом каждое из противопоставлений реализуется на одном уровне.

(1) С помощью словообразовательной категоризации противопоставляются непроизводные (немотивированные) и производные (мотивированные) предлоги. Далее мотивированные предлоги делятся на отглагольные (*благодаря, невзирая на, судя по*) и отыменные, включающие в себя отсубстантивные (*вследствие, типа, по отношению к*) и отадективные (*согласно, относительно, применительно к*).

(2) Структурная категоризация позволяет противопоставить структурно простые (*из, против, типа, включая*) и структурно сложные предлоги (*из-за, напротив, по части, не доходя до*).

(3) На основе синтаксической категоризации выделяются синтаксически простые (*около, в качестве, благодаря*) и синтаксически составные предлоги, которые характеризуются наличием первообразного предлога «справа» (*рядом с, в зависимости от, несмотря на*).

(4) Парадигматическая категоризация служит для фиксации предлогов, имеющих варианты: выделяются одновариантные (*вместо, независимо от, по линии, благодаря*) и неодновариантные предлоги (*вблизи – вблизи от, согласно – согласно с, на пути – на пути к, начиная – начиная с*).

(5) Функциональная категоризация (выделенная первой в истории описания русских предлогов) основывается на синкретичности некоторых ПЕ, их способности выполнять функции наречий, частиц, вводных слов и противопоставляет монофункциональные (*среди, посредством, в качестве*) и полифункциональные (*посередине, относительно, типа*) ПЕ. С помощью корпусных данных показано, что 23 «наречных» предлога (36 % из всех наречных предлогов, названных в «Русской грамматике» 1980) практически не употребляются в функции наречия (*близ, вдоль, вместо, вне, возле, вопреки, вплоть до, касательно, наперекор, наряду с, поверх, подле, подобно, помимо, после, посреди, применительно к, против, сверх, сквозь, сообразно (с), среди*), что ставит под сомнение «легитимность» выделения данной группы.

В § 5 и § 6 разработка разноаспектной классификации продолжена на материале другой группы – «лексикографических» наречных предлогов, которые представляют собой единицы, которые в современных словарях служебных слов, прежде всего В.В. Бурцевой и Т.Ф. Ефремовой, характеризуются и как наречия, и как предлоги (*в обход, в угоду, кругом, наперерез, по праву, по случаю, противно, путем, сверху, снаружи*). В результате были предложены (6) орфографическая, (7) функционально-семантическая, (8) семантическая категоризации.

(6) Орфографическая категоризация, актуальная для структурно сложных ПЕ, позволяет разграничить ПЕ со слитным (*вследствие, наподобие, несмотря на*) и раздельным написанием (*в результате, на протяжении, не доходя до*).

(7) Релевантная для полифункциональных единиц функционально-семантическая категоризация основывается на совпадении / несовпадении значения единиц, выполняющих разные функции, и противопоставляет функционально различные семантически идентичные (*вокруг, накануне, посередине*) и функционально и семантически различные единицы (*относительно, согласно, в духе, по случаю*).

(8) Семантическая категоризация представляет собой оппозицию по совпадению / несовпадению значения неодновариантных ПЕ и противопоставляет функционально и семантически идентичные (*на глазах – на глазах у, по бокам – по бокам от*) и функционально идентичные семантически различные ПЕ (*во главе – во главе с, в сторону – в сторону от*).

В § 7 разноаспектная классификация разрабатывается далее на материале полифункциональных ПЕ, которые способны выполнять функции предикативов и вводных слов. Для них актуальна (9) функционально-категориальная категоризация.

(9) Функционально-категориальное противопоставление основывается на типе полифункциональности: внутривидовая (*вроде, соответственно, типа*) и межвидовая (*по мнению, к лицу*).

Таким образом, в главе IV предлагается разноаспектная классификация русских предлогов (рисунок 3), каждый блок которой представляет собой бинарное противопоставление на основе одного принципа. Блоки подобных противопоставлений могут комбинироваться различным образом, однако необходимо учитывать, что сферы действия данных оппозиций не одинаковы. Словообразовательная, структурная и функциональная категоризации пронизывают все ФГП предлога. Остальные оппозиции релевантны для определенных групп ПЕ: синтаксическая и парадигматическая – для

производных ПЕ, орфографическая – для структурно сложных ПЕ, семантическая – для неодновариантных ПЕ, функционально-семантическая и функционально-категориальная – для полифункциональных ПЕ. Архитектура разноаспектной классификации может варьироваться в зависимости от целей исследователя и его потребности сосредоточиться на тех или иных аспектах системы русских предлогов и их эквивалентов.

Главы V и VI посвящены описанию грамматики русского предлога. В **пятой главе** «Грамматика русского предлога: парадигматика» выявлены и охарактеризованы различные типы парадигм, пронизывающих ФГП предлога. В § 1 «Парадигматические отношения ПЕ» представлены следующие типы парадигм: (1) графическая (*а-ля – а ла*), (2) морфонологическая (*безо – без, в – во, перед – пред, посередине – посреди*), (3) словообразовательная (*в подобие – наподобие – по подобию – подобием – подобно*), (4) морфосинтаксическая (*в деле – в делах, при учете – с учетом, во благо кого? – во благо кому?*), (5) лексическая (*во вред – на пользу; недалеко от – близко к, под – над*), (6) семантическая (*в области – в область – из области – за областью – за область – из-за области – вне области*). Парадигмы обладают сложной устройственностью: они характеризуются наличием целого ряда подтипов.

(1) Графическая парадигма может реализоваться алфавитными вариантами (*а пропо – а propos*); слитными / раздельными / дефисными (*вглубь – в глубь, заради – за-ради*) и некодифицированными вариантами (*в отсутствие – в отсутствии*).

(2) Морфонологическая парадигма включает противопоставления по невокализованности / вокализованности (*над – надо*); неударности / ударности (*во благо – во́ поле, до вечера – до́ ночи, за деньги – за́ борт*); полногласию / неполногласию (*перед – пред*); неусеченности / усеченности (*посередине – посередь*); твердости / мягкости (*близ – близь*). Для производных ПЕ актуальны различные варианты чередования основы: чередование ударного / безударного варианта основы (*в*

ви́дах – в ви́дах) и вокализованного / невокализованного варианта основы (*в ожидании – в ожиданьи*).

(3) Наибольшее число словообразовательных вариантов имеют ПЕ с корнями (*бок-*, *верх-*, *зад-*, *низ-*, *перед-*, *близ(')*-, *дал'*-, *выс/ш-*, *глуб(')*-, *подоб(')*-, *пут'*-).

(4) Морфосинтаксическая парадигма представлена двумя крупными подтипами: (а) варианты мотивирующего существительного и (б) варианты выражения актанта:

(а) форма в.п. / форма пр.п. (*в разгар – в разгаре*); разные первообразные предлоги в препозиции (*при условии – с условием*); наличие / отсутствие первообразного предлога в препозиции (*по имени – именем*);

(б) разная форма падежа актанта (*исключая кого-чего – исключая кого-что*); наличие / отсутствие первообразного предлога (*вблизи – вблизи от*); разные первообразные предлоги (*в придачу к – в придачу с*).

(5) Лексическая парадигма представлена тремя типами: синонимы (*недалеко от – близко к*), антонимы (*в защиту – против*) и конверсивы (*перед – за, одновременно с – одновременно с*).

(6) Семантическая парадигма отличается от вышперечисленных тем, что ПЕ, входящие в нее, различаются системными лексико-грамматическими семами, например в рамках триады «где? – куда? – откуда?»: *в сфере – в сферу – из сферы – вне сферы*.

Анализ языкового материала показал связь типа парадигмы с семантическими группами ПЕ: так, регулярны морфосинтаксические парадигмы ПЕ, выражающих локативные, темпоральные, целевые, субъектные, реляционные, лимитативные и количественные отношения; а различные типы семантических парадигм характерны, прежде всего, для ПЕ, выражающих локативные и темпоральные отношения, а также для ПЕ, передающих значение отрицания и фазисности. Кроме того, в реальном употреблении названные парадигмы пересекаются, а некоторые члены парадигм могут быть представлены нулями.

В § 2 представлено 5 грамматических этюдов, посвященных различным типам парадигматических отношений в предложной системе. В этюдах «О синонимии и антонимии» и «О конверсивах» охарактеризованы некоторые подтипы морфосинтаксической и лексической парадигм. В этюде «О числе» рассматриваются особенности функционирования морфосинтаксических вариантов, различающихся формой числа предлогообразующего существительного (*в поиске – в поисках, из чувства – из чувств*). В этюде «О благе: *на благо всех* или *на благо всем*» дан анализ функционирования двух морфосинтаксических вариантов ПЕ *на благо кому?* и *на благо кого?*. Кроме того, один этюд посвящен различным соотношениям в рамках семантической парадигмы.

Изучение конкретных типов парадигм ПЕ позволяет выявить системные характеристики ПЕ в их взаимосвязи. Так, синонимическая парадигма ПЕ богаче парадигмы антонимов, при этом обе они реализуются как на лексическом, так и на морфосинтаксическом уровнях, а также пересекаются с семантической парадигмой. Конверсные отношения в поле ПЕ представлены рядом формальных типов и характерны для определенных семантических зон. Семантическая парадигма организует ПЕ в рамках выражения локативных, темпоральных и некоторых других типов отношений. Члены парадигм всегда неравноправны: они – более частотны, другие – менее; были выявлены также ограничения на употребление некоторых членов парадигм.

В **шестой главе** «Грамматика русского предлога: синтагматика» рассматриваются различные синтагматические связи ПЕ. В § 1 показана сочетаемость ПЕ (1) с припредложными компонентами разных типов и (2) с конкретизаторами. Здесь же характеризуется (3) текстовая парадигма ПЕ, которая объединяет различные случаи, связанные с функционированием ПЕ в тексте.

(1) Присоединяемый ПЕ актант может быть выражен не только существительным и местоимением, но и словами других частей речи: инфинитивом, числительным, прилагательным, наречием, а также

предикативной конструкцией / цитатой. В большинстве случаев это «нестандартные» конструкции, однако, например, при выражении целевых отношений сочетаемость с инфинитивом абсолютно системна.

(2) Выражаемое предложно-падежным сочетанием значение может уточняться с помощью конкретизаторов разных типов: *это очень близко к истине, буквально рядом с домом, кабинет в лучшем духе обкомов КПСС.*

(3) Текстовая парадигма включает в себя способность ПЕ выступать с 0-формой актанта и / или с актантом, выраженным прилагательным; особенности сочетаемости с анафорическими местоимениями; различные типы словопорядка в предложной синтаксеме.

Далее в § 2 «Грамматические этюды о синтагматике» основные аспекты грамматики предлога, связанные с сочетаемостью, рассматриваются подробнее.

Первый этюд «О мене *j*- на *n*- в припредложных формах местоимений» посвящен анализу функционирования припредложных форм местоимений с *j*- и *n*-: показано, что употребление форм на *n*- характерно для большинства наречных предлогов (кроме тех, которые присоединяют актант в форме д.п.), а также предлогов *касательно, накануне, посередине, внутрь*, которые употребляются с формой на *j*-. При этом практически для всех предлогов отмечены отдельные употребления на *j*-, чаще в более ранних текстах. Судя по всему, наблюдается тенденция внедрения и распространения формы на *n*- припредложных местоимений, действующая индивидуально для каждого предлога.

Во втором этюде «О сочетаемости ПЕ с анафорическими местоимениями» выявлены некоторые закономерности, отражающие функционирование предлогов с анафорическими местоимениями: (а) возможность / невозможность присоединения анафорического местоимения первообразным предлогом зависит от типа выражаемых им отношений; (б) выбор личного или указательного местоимения обусловлен типом актанта и, соответственно, antecedента (*в дом – в него; в четверг – *в*

него); (в) для отыменных ПЕ релевантно несколько противопоставлений в зоне средств оформления анафоры: личное vs. притяжательное местоимение (*в пользу него – в его пользу*), личное vs. указательное местоимение (*в пользу него – в пользу этого*), местоимение-существительное vs. местоимение-прилагательное (*по причине этого – по этой причине*); (г) ПЕ системно присоединяют в качестве актанта местоимения-прилагательные и притяжательные местоимения, что делает актуальной проблему определения статуса предложных сочетаний, в которых актант выражен согласованным определением: разрушается ли при подобном выражении актанта предложная единица?

Корпусный анализ языкового материала показал, что на данный момент трудно сформулировать однозначные правила употребления анафорических местоимений после ПЕ: в ряде случаев необходимо принимать во внимание индивидуальные характеристики ПЕ.

В этюде «О прилагательном: конкретизатор или имя актанта» разграничиваются два типа прилагательных, которые могут входить в состав ПЕ: прилагательное-конкретизатор и прилагательное-имя актанта, при этом способность сочетаться с ними по-разному характеризует степень грамматикализации. Возможность присоединения прилагательного-конкретизатора, безусловно, демонстрирует проницаемость ПЕ, то есть более низкую степень ее грамматикализации. Однако при присоединении прилагательных-имен актантов сложнее говорить о слабой грамматикализации, так как зачастую выбор прилагательного в качестве имени актанта обусловлен чисто формальными условиями дополнительной дистрибуции. Думается, что реализация этих формальных условий не может влиять на категориальный статус предложного сочетания в целом, в том числе и потому, что сочетания с именем актанта в форме существительного и прилагательного (*в условиях севера – в северных условиях*) абсолютно изофункциональны.

В четвертом этюде «О судьбе конкретизатора *вплоть*» продемонстрирован путь грамматикализации единицы *вплоть*: предлог *в* + существительное в вин.п. ⇒ наречие ⇒ предложные сочетания (*вплоть до*, *вплоть перед*, *вплоть у*, *вплоть по*, *вплоть* + р.п., *вплоть* + д.п.) ⇒ конкретизатор в предлоге *вплоть до*₁ ⇒ собственно предлог *вплоть до*₂ ⇒ союз *вплоть до того, что*.

В пятом этюде «О конкретизаторах предлогов *рядом с* и *около*» показана зависимость типов конкретизатора от значения предлога: так, для локативного значения предлогов *рядом с* и *около* характерна сочетаемость с интенсификаторами *совсем*, *прямо*, *непосредственно*, *буквально* и с аппроксиматором *почти*. Во временном и количественном значении предлог *около* сочетается с конкретизаторами-аппроксиматорами *приблизительно*, *почти*, *где-то* и *примерно*. Аппроксиматор *почти* на рассмотренном материале оказывается немаркированным относительно типа значения предлога.

В **седьмой главе** «Функционально-грамматическое поле русского предлога» обсуждается устроенность ФГП предлога и принципы ее описания. В § 1 «Структура функционально-грамматического поля предлога» излагается эволюция взглядов на строение ФГП предлога, а также дается характеристика ФГП предлога (по М.В. Всеволодовой, О.В. Кукушкиной, А.А. Поликарпову). Ядро ФГП формируется единицами, выступающими в функции предлога и только предлога, при этом центр ядра образуется (1) немотивированными (первообразными, или первичными) предлогами (*в*, *к*, *на*, *от*), а припериферийную зону ядра составляют (2) мотивированные (непервообразные, или вторичные) предлоги (*по поводу чего?*, *путем чего?*, *согласно чему?*, *благодаря чему?*). Далее располагаются три зоны, заполненные (3) эквивалентами предлогов: в приядерной зоне находятся (3.1) потенциальные предлоги, в первой собственно периферийной зоне – (3.2) аналоги предлогов, во второй периферийной зоне – (3.3) корреляты предлогов (см. рисунок 4).

Потенциальные предлоги (3.1.) представлены отсубстантивными, отглагольными, отадективными ПЕ, находящимися на различных стадиях перехода в предлоги, и компаративами (*выше скольких единиц?*, *ниже скольких единиц?*). Первая периферийная зона – аналоги предлогов (3.2) – состоит из двух подклассов: ПЕ, формируемые словами-классификаторами и родовыми словами (*в пределах чего?*, *в сфере чего?*); ПЕ, образованные по аналогии с существующими предлогами (*в подражание кому?*, *в развитие чего?*). Корреляты предлогов – это словоформы параметрических существительных (*мощностью сколько единиц?*, *в высоту сколько единиц?*).

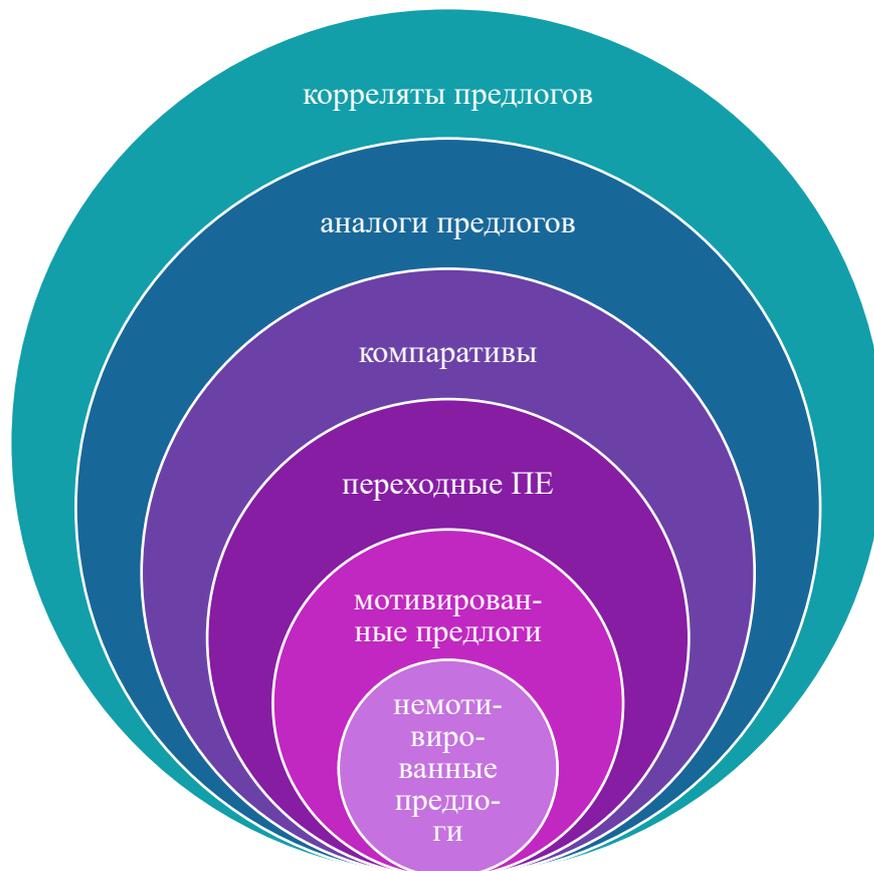

Рисунок 4 – Функционально-грамматическое поле русского предлога

ФГП предлога составляет множество ПЕ, формирующих континуум от ядра поля к его периферии, при этом ядерные единицы демонстрируют максимальное количество признаков предлога, а периферийные – лишь некоторые из таких признаков. Грамматикализация может пониматься как движение из-за пределов поля на его периферию и далее к ядру. Иными

словами, грамматикализация в ФГП предлога представляет собой центростремительный процесс.

В § 2 «”В поисках объективности”: частотность» частотность описывается как инструмент объективации описания ФГП предлога. Как показано в книге Л. Бринтон и Э. Траугот «Лексикализация и языковые изменения» (2005), высокая частотность отличает грамматикализованные единицы от лексикализованных, представляя собой один из формальных критериев противопоставления процессов грамматикализации и лексикализации. Это позволило сформулировать гипотезу исследования: высокочастотные ПЕ находятся в ядерной и приядерной зонах ФГП предлога, а низкочастотные, окказиональные – на его периферии. Сопоставление реестров предлогов «Русской Грамматики» 1980 и «Оборотов в функции предлога» НКРЯ, их стратификация по частотности показали высокую частотность большинства производных предлогов, указанных в «Русской грамматике» 1980. Далее на примере ПЕ, построенных по моделям *на* + в.п., *по* + в.п., *по* + д.п., продемонстрированы тактики инвентаризации, ранжирования и прогнозирования ПЕ, на основе которых можно получить наиболее полный список средств предложного типа, а также более объективные данные об устроенности ФГП предлога.

В § 3 «Алгоритм исследования» изложены основные этапы описания ФГП предлога. Прежде всего, на основе анализа лексикографических и грамматических описаний был выявлен исходный реестр ПЕ (Приложение А), затем он был дополнен ПЕ из неопубликованного реестра М.В. Всеволодовой. Далее были выявлены основные модели, по которым строятся русские предлоги (структурные группы ПЕ): немотивированные предлоги и мотивированные ПЕ, которые включают в себя отыменные, отадъективные, отнаречные, отглагольные ПЕ и компаративы. Отдельные группы составляют заимствованные ПЕ (не характеризуются по признаку производность / непроизводность) и параметрические ПЕ как представляющие крайнюю периферию ФГП предлога и обладающие

функциональной (вводят квантитативы) и семантической общностью (обозначают параметры). Отыменные ПЕ отличаются богатством исходных моделей, они способны образовываться от беспредложных форм существительных, от моделей, включающих частицу *не*, а также от моделей со следующими первообразными предлогами в препозиции: *без*, *в* + пр.п., *в* + в.п., *вне*, *для*, *до*, *за* + тв.п., *за* + в.п., *из*, *из-за*, *из-под*, *к*, *на* + в.п., *на* + пр.п., *над*, *о*, *от*, *перед*, *по* + в.п., *по* + д.п., *по* + пр.п., *под* + тв.п., *под* + в.п., *при*, *с* + р.п., *с* + тв.п., *с* + в.п., *сквозь*, *у*, *через*. Выделенные 39 структурных групп составили «скелет» описания поля предлогов в главе VIII. По данным группам были распределены все полученные ПЕ.

Следующим этапом был подсчет частотности конкретных ПЕ внутри структурных групп. Принципиально важным для нас был учет именно предложных употреблений рассматриваемых конструкций, поэтому для определения частотности в поисковом запросе всегда указывалась предложная конструкция с заданной грамматической формой актанта, ср. например, поисковый запрос *вокруг* + р.п., чтобы сепарировать наречные употребления полифункциональной единицы *вокруг*.

Для каждой структурной группы определялась семантика конкретных ПЕ. В качестве семантической типологии использовались как традиционные названия обстоятельственных отношений (пространственные, временные, причинно-следственные, условные, уступительные, целевые), так и термины, отражающие предикатную структуру (реляционные, характеризационные, статальные, модальные отношения) и денотативную структуру (адресат, инструмент, делибератив). Таким образом были выделены семантические группы ПЕ.

Кроме того, для ПЕ каждой структурной группы были определены типичные парадигматические ряды, в некоторых случаях отмечалась системность тех или иных парадигматических рядов при выражении конкретных семантических отношений.

Далее были проанализированы биграммы и 3-граммы, построенные по модели, формирующей структурную группу, и выделены потенциальные ПЕ. ПЕ, которые верифицировались контекстами в НКРЯ, были включены в общий реестр. Знаком «?» в нем выделены слабо грамматикализованные единицы с низкой метафоризацией, которые достаточно условно могут быть отнесены к ФГП предлога. Кроме того, «кандидаты» в предлоги определялись с помощью прогнозирования парадигматических рядов ПЕ. Алфавитный реестр полученных русских ПЕ представлен в Приложении Б.

Реестры ПЕ каждой структурной группы были ранжированы по убыванию частотности и представлены в виде таблиц в соответствующем параграфе. При этом полужирным шрифтом всегда маркировались предлоги из РГ-80 как единственного закрытого списка предлогов в современных академических грамматиках. Наконец, полученные ПЕ были объединены в реестр, ранжированный по убыванию частотности (Приложение В).

Восьмая глава «Русские предложные единицы: инвентаризация и полевая устроенность» описывает 39 структурных групп ПЕ, каждой из которых посвящен отдельный параграф. В рамках конкретной структурной группы были перечислены либо все, либо (для самых многочисленных групп) большинство ПЕ, построенных по данной модели, при этом для всех ПЕ была вычислена частотность в *ipm*. ПЕ каждой структурной группы представлены в виде таблицы (таблиц), в которых ПЕ ранжированы по убыванию частотности. Это позволяет отразить распределение ПЕ одной структурной модели в ФГП предлога: первые, наиболее частотные ПЕ относятся к более ядерным, а редкие, окказиональные – к периферийным. Продемонстрируем подобное представление на примере ПЕ, построенных по модели *c + тв.п.*, см. таблицу 1. В «Русской грамматике» 1980 указаны предлоги *с помощью* и *с целью*.

Единицы, маркированные знаком «?», были выявлены с помощью анализа наиболее частотных биграмм, построенных по модели *c + тв.п.*

Таблица 1 – Модель С + тв.п.: 30 ПЕ, ранжированных по убыванию частотности

№	ПЕ	ipm	№	ПЕ	ipm
1.	с помощью	61,85	16.	с указанием	2,88
2.	с учетом	16,76	17.	с лицом?	2,09
3.	с целью	16,20	18.	с видом на	1,60
4.	с целью что сделать	11,99	19.	с надеждой на	0,59
5.	с надписью "..."?	10,43	20.	с надеждой что сделать	0,53
6.	с участием	9,57	21.	с расчетом на	0,50
7.	с использованием?	9,13	22.	с опорой на	0,43
8.	с чувством	6,59	23.	с оглядкой на	0,34
9.	с видом кого-чего	4,99	24.	с вопросом	0,26
10.	с наступлением?	4,76	25.	с расчетом что сделать	0,26
11.	с применением?	4,13	26.	с поддержкой	0,25
12.	с выражением	3,94	27.	с прицелом на	0,18
13.	с началом	3,53	28.	с ущербом	0,15
14.	с появлением?	3,46	29.	с сопровождением	0,03
15.	с условием	2,90	30.	с флёром	0,00

Далее определялись основные типы отношений, которые выражаются ПЕ каждой структурной группы (семантические группы). В частности, ПЕ, построенные по модели *с + тв.п.*, выражают несколько типов отношений:

- 1) временные: *с началом*;
- 2) целевые: *с целью (что сделать), с надеждой на/что сделать, с расчетом на, с прицелом на*;
- 3) условные: *с условием*;
- 4) реляционные:
 - а) комитатив 1 со значением действия, результативного состояния, эмоционального состояния, сопровождающего основное действие, состояние и тем самым характеризующее его (по Г.А. Золотовой): *с оглядкой на, с ущербом*;
 - б) комитатив 2 – имя лица или предмета, соучаствующего в роли субъекта в действии, состоянии (по Г.А. Золотовой): *с участием, с сопровождением*;
 - в) отношения соответствия (основание соответствия по Г.А. Золотовой): *с учетом, с опорой на*;

г) квалитатив – имя качества, характеризующего предмет, лицо (по Г.А. Золотовой): *с видом, с выражением, с лицом, с видом на, с чувством, с флером;*

5) делибератив: *с вопросом, с надписью;*

б) инструмент: *с помощью, с опорой на.*

Наконец, для ПЕ каждой структурной группы определены основные типы парадигм. Так, ПЕ рассматриваемой группы регулярно образуют морфосинтаксическую парадигму с ПЕ, построенными по модели *при + пр.п.*: *с учетом – при учете, с участием – при участии, с помощью – при помощи, с опорой на – при опоре на;* для ПЕ, выражающих целевые отношения, системна морфосинтаксическая парадигма по форме выражения актанта: *с целью чего – с целью что сделать, с надеждой на что – с надеждой что сделать, с расчетом на что – с расчетом что сделать.*

В результате объединения списков ПЕ всех структурных групп был получен реестр русских ПЕ, включающий примерно 2 400 ПЕ, который представлен в Приложении Б в алфавитном порядке и в Приложении В в порядке убывания частотности.

Важным результатом, полученным в главе VIII, представляется то, что все ПЕ были полностью распределены по классам немотивированных и мотивированных отадъективных, отглагольных и отсубстантивных (отыменных) предлогов, что косвенно подтверждает непротиворечивость предложенной в главе IV разноаспектной классификации (см. таблицу 2).

Как видно из таблицы 2, наиболее продуктивной моделью оказалась *в + в.п.* (371 ПЕ), но по суммарной частотности «лидирует» *в + пр.п.* (ipm 2001,36). Очень частотны и многочисленны также ПЕ, образованные по разным моделям с помощью предлогов *на* и *по*. Это подтверждает мысль о значительной роли аналогии при образовании ПЕ, что способствует возникновению новых ПЕ в рамках «приоритетных моделей» и конкретных семантических групп. Последовательное распределение ПЕ одной структурной

Таблица 2 – Структурные группы мотивированных ПЕ, ранжированные по убыванию суммарной частотности, *ipm*

№	модель	число ПЕ	суммарный <i>ipm</i>	представленность в РГ-80
1.	<i>в</i> + пр.п.	346	1970,83	42
2.	<i>в</i> + в.п.	371	1553,7	31
3.	<i>по</i> + д.п.	179	644,30	13
4.	отглаг.	60	539,66	18
5.	<i>на</i> + в.п.	95	411,33	4
6.	<i>на</i> + пр.п.	118	315,88	8
7.	отадьект.	58	247,42	15
8.	тв.п.	48	212,78	4
9.	<i>с</i> + р.п.	36	185,73	3
10.	<i>с</i> + тв.п.	30	180,34	2
11.	<i>под</i> + тв.п.	120	178,82	2
12.	нар. конкр.	37	160,13	1
13.	<i>при</i>	26	121,33	3
14.	<i>за</i> + в.п.	26	79,39	1
15.	<i>из</i>	101	62,59	-
16.	<i>до</i>	13	54,02	-
17.	в.п.	8	51,81	1
18.	<i>к</i>	63	45,18	-
19.	<i>за</i> + тв.п.	40	49,35	1
20.	<i>по</i> + пр.п.	31	41,06	-
21.	<i>с</i> + в.п.	1	28,79	1
22.	<i>от</i>	10	27,5	-
23.	<i>по</i> + в.п.	13	25,45	2
24.	<i>без</i>	43	24,02	2
25.	<i>под</i> + в.п.	82	21,28	-
26.	р.п.	11	20,69	2
27.	<i>не</i>	15	17,81	2
28.	<i>перед</i>	9	14,71	-
29.	<i>вне</i>	40	7,76	4
30.	<i>для</i>	5	4,59	-
31.	займств.	23	3,63	-
32.	<i>через</i>	7	2,64	1
33.	<i>над</i>	3	2,45	-
34.	<i>о</i>	2	2,07	-
35.	<i>из-под</i>	14	2,01	-
36.	<i>сквозь</i>	7	1,97	-
37.	<i>у</i>	4	1,21	-
38.	<i>из-за</i>	3	0,05	-
39.	КОМПАРАТИВЫ	49		1

группы по семантическим группам также демонстрирует эффективность аналогии в возникновении и эволюции ПЕ. Например, аналогия отчетливо проявляется среди отглагольных ПЕ, ср.: а) *не доходя (до), не доезжая (до), не дойдя (до)*; б) *несмотря на, невзирая на, не глядя на*; в) *(не) включая, (не) исключая, (не) выключая (и)*; г) *исходя из / от, отталкиваясь от, оправляясь от*; д) *не отрываясь от, не отходя от, не уходя от*.

В то же время при распределении ПЕ по семантическим группам стало ясно, что одна и та же ПЕ может выражать несколько типов отношений. Кроме того, между семантическими группами нет жестких границ, что вполне закономерно с учетом того, что при грамматикализации значение конструкции меняется и продолжает меняться далее, ср. шкалу грамматикализации, предлагаемую Б. Хайне и его коллегами (лицо > предмет > действие > пространство > время > качество). Действительно, например, исходно локативные конструкции регулярно начинают использоваться для выражения темпоральных отношений. Кроме того, важным представляется вывод о зависимости между типом выражаемых отношений и типом актанта, например, в модели *без + р.п.* ПЕ, выражающие комитатив 1 (*без тени, без права, без доли, без учета, без отрыва от*), системно сочетаются с событийными именами, а ПЕ, выражающие комитатив 2 (*без помощи от, без ведома, без согласия, без разрешения, без поддержки (со стороны), без согласования с, без посредства*) – с предметными существительными.

Семантические группы определяют также парадигматический потенциал ПЕ: ПЕ одной группы часто формируют схожие морфосинтаксические и семантические парадигмы, например, для ПЕ, вводящих имя субъекта, характерна морфосинтаксическая парадигма по наличию / отсутствию первообразного предлога *у* в постпозиции: *на руках кого? – на руках у кого?, на плечах кого? – на плечах у кого?, на глазах кого? – на глазах у кого?, на виду кого? – на виду у кого?, на поводу кого? – на поводу у кого?*. Представляется, что наличие морфосинтаксической парадигмы ПЕ свидетельствует о неполной грамматикализации, об этапе конкуренции

конструкций (ср. со шкалой переходности В.В. Бабайцевой): например: *по оценке – по оценкам, по обычаю – по обычаям, по рассказу – по рассказам, по прогнозам – по прогнозам, по свидетельству – по свидетельствам, по воспоминанию – по воспоминаниям; по вопросу – по вопросам, по проблеме – по проблемам*. Использование такого инструмента, как частотность показало, что всегда есть более приоритетный, или ядерный член парадигматического ряда.

Анализ частотности ПЕ позволил выявить полевою устроенность конкретных структурных групп ПЕ и обосновать их расположение внутри ФГП предлога. Почти в каждой структурной модели есть набор ядерных единиц с высокой частотностью и большая зона периферии, заполненная единицами со значительно более низкой частотностью, образованными по аналогии с ядерными, либо парадигматически связанными с ними: например, *по причине чего? – ipm 11,91, по причинам чего? – ipm 0,31; навстречу кому? – ipm 26,26, навстречу к кому? – ipm 0,76; с точки зрения кого? – ipm 13,52, с позиции кого? – ipm 1,5.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении изложены итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования. Современная лингвистика характеризуется отходом от строгих границ между языковыми явлениям (функционально-коммуникативная грамматика, Грамматика конструкций) и активным использованием понятия поля как инструмента описания языковых сущностей, позволяющего объединить в целях лингвистического описания разноплановые единицы, выполняющие одну семантическую, прагматическую или грамматическую функцию. Предложенное М.В. Всеволодовой понятие ФГП предлога обеспечило возможность изучать как ядерные единицы – собственно предлоги, так и широкий круг предложных образований, которые находятся на периферии ФГП предлога. Для номинации всех типов единиц, составляющих поле предлога, релевантно использовать описательный термин «предложные единицы».

Анализ лексикографических и грамматических трудов показал, во-первых, отсутствие единого реестра ПЕ в русистике, во-вторых, субъективность ученых при отнесении тех или иных единиц к предлогам. Сплошная выборка предлогов и единиц с пометами «эквивалент предлога», «в функции предлога», «в роли предлога» из грамматик, словарей и специальных справочных изданий позволила провести инвентаризацию русских средств предложного типа и создать исходный реестр ПЕ, состоящий из 933 единиц. Субъективность ученых при категоризации предложных образований обусловлена двумя факторами: постоянно идущими процессами грамматикализации (опредложивания) сочетаний и отсутствием надежных операциональных методов разделения предлогов и не-предлогов.

Использование достижений Теории грамматикализации наряду с отечественными разработками Т.С. Тихомировой, М.В. Всеволодовой, Н.А. Еськовой, Д.В. Сичиной позволяет сформулировать набор операциональных критериев определения степени определенности: прежде всего, это фиксируемые семантические, морфологические и синтаксические

изменения конструкции. Однако, как показало проведенное исследование, применение различных «тестов» для «кандидатов в предлоги» практически ни в одном случае не позволяет констатировать стопроцентный переход конструкции в предлоги: обычно результаты показывают лишь большую или меньшую степень грамматикализации сочетания. Абсолютные цифры при подобных проверках не встречаются чаще всего из-за того, что «старые» и «новые» употребления сочетания сосуществуют в языке (так называемая многослойность, или *layering*). Эффективным оказалось использование частотности как одного из параметров грамматикализации (по Л. Бринтон и Э. Траугот). Предположительно, более частотные единицы располагаются ближе к ядру поля предлога, а редкие, окказиональные – находятся на его периферии. Таким образом, ранжировав ПЕ по убыванию частотности, можно определить устроенность ФГП предлога. При этом важно понимать, что процессы грамматикализации идут «здесь и сейчас», происходит постоянное движение конструкций с периферии поля к его ядру, что и обеспечивает замеченные еще В.В. Виноградовым бурный рост предлогов и изменение их морфологического облика как части речи, а также определяет невозможность однозначного определения частеречного статуса конкретных ПЕ.

В результате исследования был собран реестр из 2402 русских ПЕ. Безусловно, это не финальный список ПЕ по двум причинам: во-первых, в нем практически не учитываются различные варианты ПЕ, в том числе лексико-семантические; а во-вторых, ФГП предлогов постоянно пополняется. Данный перечень может служить «отправной» точкой как для лексикографического описания русских ПЕ, так и для дальнейших исследований по грамматике предлога.

Полевая структура русских ПЕ отнюдь не означает отсутствие их системной организации. ФГП предлога пронизано сетью системных отношений и включает группировки, формируемые объединениями ПЕ по различным признакам. Это, во-первых, классификация ПЕ, во-вторых,

различные типы парадигматических и синтагматических отношений ПЕ, наконец, это семантические и структурные группы ПЕ.

Существующая классификация предлогов скрывает ряд противоречий, обусловленных введением функциональной группы наречных предлогов в ряд классов, выделяемых на деривационном признаке (отглагольные и отыменные предлоги). Более последовательным представляется использование разноаспектной классификации, в которой на разных уровнях членения используются различные признаки. Так, можно выделить словообразовательные, структурные, синтаксические, функциональные, парадигматические, орфографические, семантические, функционально-семантические и функционально-категориальные противопоставления в рамках классификации предлогов. На словообразовательном принципе противопоставляются отыменные, отглагольные и отадективные предлоги.

Подобный подход позволил выделить основные структурные модели, по которым образуются русские ПЕ. Среди мотивированных (или вторичных ПЕ) выделяются отглагольные, отадективные, отыменные, отнаречные ПЕ, компаративы. В отдельные группы выделены заимствованные и параметрические ПЕ. Внутри отыменных предложных средств противопоставляются беспредложные формы (р.п., в.п., тв.п.) и сочетания с предлогами: *без, в + пр.п., в + в.п., вне, для, до, за + в.п., за + тв.п., из, из-за, из-под, к, на + в.п., на + пр.п., над, о, от, перед, по + в.п., по + д.п., по + пр.п., под + тв.п., под + в.п., при, с + в.п., с + р.п., с + тв.п., сквозь, у, через*, а также с частицей *не*. Полное и непротиворечивое распределение всех анализируемых ПЕ по указанным классам позволяет обосновать последовательность предлагаемой словообразовательной категоризации ПЕ.

Парадигматические отношения в ФГП предлога представлены различными видами связей между ПЕ: можно выделить графическую, морфонологическую, словообразовательную, морфосинтаксическую, лексическую и семантическую парадигмы. В каждой парадигме есть приоритетный член, характеризующийся большей частотностью. Знание

системы парадигматических связей ПЕ позволяет исчислить возможные варианты ПЕ и определить потенциальные ПЕ.

Синтагматические особенности ПЕ сводятся к их сочетаемости с различными типами припредложных компонентов, в частности, с местоимениями (прежде всего, анафорическими) разных типов, с 0-формой актанта, с прилагательными. Кроме того, релевантно изучение сочетаемости ПЕ с конкретизаторами и особенностей словопорядка в предложной синтаксеме. Принципиально важным оказалось противопоставление прилагательных-конкретизаторов и прилагательных-имен актантов, так как употребление последних иногда определяется условиями дополнительной дистрибуции.

Для многих ПЕ характерна синкретичность: они способны выполнять функции наречий, предикативов, вводных слов, частиц. Системное описание полифункциональности ПЕ актуально как для теоретического представления этой группы единиц, так и для их лексикографической фиксации.

Наконец, ПЕ можно объединить в рамках семантических групп, связанных с выражением локативных, темпоральных, целевых, условных, причинно-следственных, уступительных, характеризационных, фазисных отношений, различных типов реляционных отношений, а также с выражением адресата, делибератива, ситуатива, инструмента, состояния, оценки, модальности.

Описание различных парадигматических, синтагматических и семантических отношений в рамках поля предлога, инвентаризация всех предложных средств и распределение их по структурным группам составляют грамматику русского предлога, дальнейшее исследование и изучение которой представляет актуальную задачу современной русистики.

Перспективным направлением изучения ФГП предлога является также создание словаря предлогов и их эквивалентов, включающего детальные лексикографические «портреты» предложных средств русского языка.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

- Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS и RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России**
1. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 1. Первые результаты. Понятие парадигмы предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 5. С. 7–35. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (1,75 / 0,9 п.л.).
 2. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2. Синонимия и антонимия предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 2. С. 18–37. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (1,2 / 0,6 п.л.).
 3. *Виноградова Е.Н., Ситарь А.В., Важник С.А.* К вопросу об описании содержательного аспекта предложения (на материале восточнославянских языков). Статья 1 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 1. С. 9–34. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (1,5 / 0,6 п.л.).
 4. *Виноградова Е.Н., Ситарь А.В., Важник С.А.* К вопросу об описании содержательного аспекта предложения (на материале восточнославянских языков). Статья 2: Типы донатива и средства его выражения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 3. С. 7–30. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (1,4 / 0,4 п.л.).
 5. *Виноградова Е.Н.* Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 4. С. 138–163. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (1,5 п.л.).
 6. *Виноградова Е.Н.* Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50. Импакт-фактор 0,183 (SJR). (1,5 п.л.).
 7. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Отбор и представление предлогов в Лексических минимумах по русскому языку как иностранному (к постановке проблемы) // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 95–101. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,4 / 0,2 п.л.).
 8. *Виноградова Е.Н.* Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74. Импакт-фактор 0,183 (SJR). (1,1 п.л.).
 9. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов на Элементарном уровне общего владения русским

языком как иностранным // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 95–103. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,5 / 0,35 п.л.).

10. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов на Базовом уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 87–100. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,8 / 0,4 п.л.).

11. *Виноградова Е.Н.* Русские предлоги в концепции М.В. Всеволодовой (на примере одного ИЗ) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5. С. 230–246. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (1 п.л.).

12. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов на Первом уровне общего владения русским языком как иностранным. Статья 1. Требования // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 93–99. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,4 / 0,2 п.л.).

13. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов на Первом уровне общего владения русским языком как иностранным. Статья 2. Программа и Лексическим минимум // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 82–90. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,5 / 0,35 п.л.).

14. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Актуальные лингвометодические проблемы совершенствования нормативно-методических документов российской государственной системы тестирования // Русский язык за рубежом. 2019. № 2. С. 72–79. Импакт-фактор 0,185 (РИНЦ). (0,4 / 0,2 п.л.).

15. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов в нормативно-методических документах Второго уровня общего владения русским языком как иностранным. Статья 1. Государственный стандарт и программа // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 91–96. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,4 / 0,2 п.л.).

16. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов в нормативно-методических документах Второго уровня общего владения русским языком как иностранным. Статья 2. Лексический минимум // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 78–85. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,4 / 0,25 п.л.).

17. *Виноградова Е.Н., Инь Чжаосин.* Проблемы представления наречных предлогов в Лексических минимумах // Мир русского слова. 2021. № 3. С. 73–81. Импакт-фактор 0,422 (РИНЦ). (0,5 / 0,2 п.л.).

18. *Виноградова Е.Н.* Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах) // Русский язык за рубежом. 2021. № 1. С. 37–45. Импакт-фактор 0,185 (РИНЦ). (0,5 п.л.).
19. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. 2022. Том 20. № 1. С. 84–100. Импакт-фактор 0,833 (SJR). (1 / 0,7 п.л.).
20. *Klobukova L., Vinogradova E.* Who are you, Mr. Russian preposition? // *XLinguae*. 2022. Volume 15. Issue 3. Pp. 147–165. Импакт-фактор 0,273 (SJR). (1,1 / 0,7 п.л.).
21. *Виноградова Е.Н.* Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 54–87. Импакт-фактор 0,183 (SJR). (2 п.л.).
22. *Виноградова Е.Н., Чэнь Сюецин.* Семейства конструкций «ПО + соматизм» на стыке грамматики, лексикона и фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 9–24. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). (0,9 / 0,3 п.л.).
23. *Клобукова Л.П., Виноградова Е.Н.* 20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (уроки одной научной дискуссии). Статья 1 // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024. № 2. С. 2–12. Импакт-фактор 0,196 (РИНЦ). (0,6 / 0,3 п.л.).
24. *Виноградова Е.Н.* Система *против* или *против* системы: русские наречные предлоги и проблемы классификации предлогов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 29–54. Импакт-фактор 0,275 (SJR). (1,6 п.л.).
25. *Клобукова Л.П., Виноградова Е.Н.* 20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (уроки одной научной дискуссии). Статья 2 // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024. № 4. С. 2–17. Импакт-фактор 0,196 (РИНЦ). (0,9 / 0,45 п.л.).

Другие публикации

26. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* Русские предложные единицы (предлоги и их эквиваленты). Синонимия и антонимия // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 112–127. Импакт-фактор отсутствует. (0,8 / 0,4 п.л.).
27. *Виноградова Е.Н., Ситарь А.В.* Проблемы словарного представления и сопоставления первообразных предлогов: на примере предлога *по* в русском

и украинском языках // Славянските предлози, словенски предлози, славянские предлоги, славянскія прыназоўнікі, слов'янські прийменники, przyimki słowiańskie / отв. ред. Г. Гочев. Велико Търново: Изд-во ИВИС, 2007. С. 178–189. (0,6 / 0,3 п.л.).

28. *Виноградова Е.Н.* О классификаторах в структуре предложных единиц // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 5. С. 74–80. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

29. *Виноградова Е.Н.* Об одной группе комбинированных предлогов (*из-за, напротив* и под.) // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 6. С. 78–84. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

30. *Виноградова Е.Н.* На пути в предлоги? // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 7. С. 21–32. Импакт-фактор отсутствует. (0,5 п.л.).

31. *Виноградова Е.Н.* Устами младенца, глазами ребенка, руками человека: некоторые предложные единицы, включающие соматизмы // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2012. Вып. 8. С. 97–106. Импакт-фактор отсутствует. (0,5 п.л.).

32. *Виноградова Е.Н., Ситарь А.В.* Предложные единицы в близкородственных языках: зона несовпадений (структурно-сложные немотивированные предложные единицы в русском и украинском языках) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. кол.: М.Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 91–102. Импакт-фактор отсутствует. (0,6 / 0,3 п.л.).

33. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* Такие разные глаза... Предложные единицы, включающие лексему «глаз / глаза» (зарисовки на материале славянских языков) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. кол.: М.Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 103–122. Импакт-фактор отсутствует. (0,9 / 0,45 п.л.).

34. *Виноградова Е.Н.* Перед лицом больших перемен: предложные единицы с лексемой «лицо» // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 9. С. 161–175. Импакт-фактор отсутствует. (0,8 п.л.).

35. *Виноградова Е.Н.* Загадки предлогов с соматизмами // *Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания* / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 10. С. 95–101. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).
36. *Виноградова Е.Н.* Существительное или предлог? (о роли согласованного определения) // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2015. Т. 4. С. 15–19. Импакт-фактор 0,131 (РИНЦ). (Название журнала с 2017 года «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики»). (0,5 п.л.).
37. *Виноградова Е.Н.* О грамматикализации в русском языке (поле предлогов) // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.)*. Том 4. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 37–42. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).
38. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* Лицом к предлогам (о предлогах и их аналогах в русском и болгарском языках) // *Болгарская русистика*. 2015. № 3–4. С. 25–38. Импакт-фактор 0,024 (РИНЦ). (0,8 / 0,4 п.л.).
39. *Виноградова Е.Н.* О несбывшихся предлогах // *Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания* / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2015. Вып. 11. С. 53–60. Импакт-фактор отсутствует. (0,4 п.л.).
40. *Виноградова Е.Н.* Вроде предлог или вроде предлога // *Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания* / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 12. С. 22–29. Импакт-фактор отсутствует. (0,4 п.л.).
41. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Предлог: большие проблемы маленькой части речи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. Том 15. № 3. С. 299–316. Импакт-фактор 1,587 (РИНЦ). (Название журнала с 2018 года «Русистика»). (1 / 0,75 п.л.).
42. *Виноградова Е.Н.* К вопросу о наречных предлогах в русском языке // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей* / ред. кол.: М.Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 31–43. Импакт-фактор отсутствует. (0,8 п.л.).
43. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Реестр русских предложных единиц.

Книга 2: А–В (объективная грамматика). М.: URSS, 2018. 809 с. (50,5 / 16,85 п.л.).

44. *Виноградова Е.Н.* К вопросу о переходности в грамматике (предложные единицы в русском языке) // *Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования* / под ред. О.И. Глазуновой и К.А. Роговой. М.: URSS, 2019. С. 66–74. (0,4 п.л.).

45. *Виноградова Е.Н.* Грамматикализация в цифрах. К вопросу о пути // *Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Сб. научных трудов Международного научного симпозиума* / науч. ред. В.Н. Степанов. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. С. 375–385. Импакт-фактор отсутствует. (0,5 п.л.).

46. *Виноградова Е.Н.* Поле русских предлогов (по данным частотности) // *Язык как ценность бытия: сб. научных трудов в честь юбилея проф. М.И. Конюшкевич* / гл. ред. Т.А. Пивоварчик. Гродно: ГрГУ, 2023. С. 85–92. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

47. *Виноградова Е.Н.* Развитие идей М.В. Всеволодовой (объективное описание русских предложных единиц) // *Пісьменнік – мова – стыль: матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. праф. Ц.П. Ломцеву, Мінск, 21–22 верас. 2023 г.* Минск: БДУ, 2023. С. 113–121. Импакт-фактор отсутствует. (0,4 п.л.).

48. *Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* Траектории сопоставительного анализа предлогов (на материале русского, украинского и болгарского языков) // *Актуальные вопросы сопоставительного изучения языков в условиях билингвизма: коллективная монография, посвященная юбилею проф. И.С. Ровдо.* Минск: ИВЦ Минфина, 2023. С. 170–179. (0,4 / 0,2 п.л.).

49. *Виноградова Е.Н.* Предлог + местоимения (особенности сочетаемости и ограничения) // *Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. научных статей. Т. 1.* Гродно: ГрГУ, 2024. С. 172–178. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

50. *Виноградова Е.Н.* Частотность на службе у функционально-грамматического поля предлога // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* 2024. Том 10. № 3. С. 19–29. Импакт-фактор 0,229 (РИНЦ). (0,6 п.л.).

51. *Виноградова Е.Н.* Совсем рядом с предлогами. К вопросу о наречных конкретизаторах // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.* 2024. № 212. С. 179–192. Импакт-фактор 0,859 (РИНЦ). (0,9 п.л.).